

Исполнилось 155 лет со дня рождения Л. Н. Толстого

ПИСАТЕЛЬ И ЕГО ГЕРОИ

Л. Н. ТОЛСТОЙ начинает свою замечательную повесть «Хаджи-Мурат» с того, как герой его попадает в Чечню, в крепость Воздвиженскую. Автор повести являлся не только современником, но и участником тех событий, которые происходили в первой половине 50-х годов прошлого века. Приехав на Кавказ в 30 мая 1851 г. поселившись в станице Старогладковской, он с первых же дней начал изучать быт, нравы, прошлое гребенских казаков и горцев. Вскоре полюбил не только Терек, горы и богатую кавказскую природу, но и живших здесь людей, независимо от их национальной принадлежности. В военном лагере под Старым Юртом Толстой познакомился и стал близким другом-кунаком чеченца Садо Мисербиева, а через него и с другими чеченцами.

Видел ли Толстой Хаджи-Мурата в крепости Грозной или в Тифлисе, он об этом нигде не пишет. 25 октября 1851 г. он поехал в Тифлис держать экзамен на юнкера и жил там до начала января 1852 г. В начале декабря 1851 г. Хаджи-Мурат из Грозной был отправлен в Тифлис. 23 декабря 1851 г. из Тифлиса в письме к старшему брату С. Н. Толстому Лев Николаевич сообщал: «Если хочешь цегольнуть известиями с Кавказа то можешь рассказывать, что второе лицо после Шамиля, некто Хаджи-Мурат, на днях предается русскому правительству. Это был первый лихач (джигит) и молодец по всей Чечне».

13 или 14 января 1852 г. Л. Н. Толстой вернулся в станицу Старогладковскую, продолжая собирать материалы и сведения о заинтересовавшем его человеке.

Образ Хаджи-Мурата, его бурная жизнь и активная деятельность на протяжении почти 50 лет не покидали Толстого. В одном из журналов за 1861 год сказано, что не один раз Толстой рассказывал крестьянским ребятам из Ясной Поляны о Кавказе, «об абреках, казаках, Хаджи-Мурате». Горячо влюбленный в Кавказ, в его людей, писатель все время интересовался историей и этнографией этого края, а бы сказал, что Толстой был крупнейшим кавказоведом, о чем свидетельствует его библиотека.

Первое точное указание Толстого написать о Хаджи-Мурате — его запись в дневнике 19 июля 1896 г. С этого момента и на протяжении 8 лет с перерывами он писал свою повесть. Не полагаясь на свою память, он обращается к архивным материалам и многочисленной литературе. Он просит своих знакомых присылать материалы для его повести. Первый откликнулся из Петербурга русский художественный и музыкальный критик В. В. Стасов, горячий противник самодержавия. «Работая над историческими материалами, — пишет советский литературовед К. Ломунов, — Толстой нашел в лице В. В. Стасова ревностного помощника в разыскании необходимых материалов. Целые транспорты книг шли от Стасова из Петербургской публичной библиотеки в Ясную Поляну в годы работы Толстого над романами о декабристах, о Петре I, над повестью «Хаджи-Мурат».

Толстой много получал архивного материала из Тифлиса — от С. С. Эсадзе, скопировавшего для Толстого 151 документ из архивохранилища Кавказского во-

енного округа, самого начальника этого архива В. А. Потто и др. Он встречался с современником так называемой кавказской войны и крупным военным писателем А. Л. Зиссерманом и другими.

О встречах Толстого с кавказцами упоминает в своих дневниках С. А. Толстая. В феврале 1903 г. она записала: «У Льва Николаевича сидит старичок николаевских времен, солдат, сражавшийся на Кавказе, и рассказывает ему, что помнит».

Великий писатель тратил много сил на то, чтобы при помощи многочисленных и точных фактов установить истину. Служащий Московско-Курской железной дороги П. А. Буланже рассказывал, как Толстой был взволнован, вспомнив, что «в «Хаджи-Мурате» он всюду называет кавказского местного Воронцова князем, и просил установить, в каком году последнего «сделали князем». Когда ему дали нужную справку, Толстой успокоился. В таком случае — верно. Переделывать не надо». Толстой был исключительно требователен к себе. Он много раз переделывал и, можно сказать, отшлифовывал своего «Хаджи-Мурата», но эта историческая повесть, по его мнению, так и осталась незаконченной. Она была издана уже после смерти писателя.

Меньше всего Л. Н. Толстой стремился сообщить своему читателю подробные биографические данные героя своей повести. Но сам пристально, шаг за шагом, изучил его жизнь в тесной связи с теми событиями, участником которых герой его был прямо или косвенно. Ему известны были в подробностях история жизни этого удивительного человека — энергичного, умного, одаренного природной смелостью, история его взлетов и падений, очарования и разочарований, с точностью прослежен по документам его путь от аварского правителя до беглого горца, наиба Шамиля, а потом его открытого противника.

И Шамиль, и его наибы прямо и косвенно грабили горцев. Шамилем, по свидетельству того же Хаджи-Мурата, было отдано другим на сохранение до 150 и больше тысяч серебряных и золотых рублей. Да и сам Хаджи-Мурат возвращался из удачных походов, привозя с собой 2—3 тысячи рублей, часть которых отдавал тому же Шамилю.

Все это было известно горцам, которым надоело жить под страхом разорения наибами, быть убитым, или посаженным в яму — тюрьму не только имамом, но и любимым наибом. Н. А. Добролюбов горячо сочувствовал кавказским горцам. Он писал: «Популярность Шамиля во впечатлительных умах горцев исчезла уже задолго до

его плена... Шамиль давно уже не был для горцев представителем свободы и национальности...»

Управление Шамиля казалось тяжелым для племен, не привыкших к повиновению, а выгоды никаких от этого управления они не находили. Напротив, они видели, что жизнь мирных селений, находящихся под покровительством русских, гораздо спокойнее и обильнее. Масса горцев убегала от Шамиля, его наибов к мирной, созидательной жизни.

Все, что происходило в Чечне, — и массовое бегство чеченцев от деспотизма Шамиля, и создание ими под покровительством русских многочисленных аулов, и налаживание мирной жизни в предгорной и плоскостной Чечне — все это было хорошо известно Хаджи-Мурату. Он много раз бывал в Чечне, из чеченского селения Гехи была его любимая жена Сану, там находились ее родственники. Его многочисленные кулани-джигиты жили не только в аулах, но и в самой Грозной. И самый близкий, авторитетный и крайне нужный для имама человек, каким был Хаджи-Мурат, бежал от Шамиля не в Азербайджан или в Кумынку, а в Чечню, в наиболее безопасное и менее достигаемое для Шамиля место.

Учителю Тифлисской гимназии С. Н. Шульгину, собиравшему архивные материалы для Л. Н. Толстого, великий писатель сказал: «Меня здесь занимает не один Хаджи-Мурат с его трагической судьбой, но и крайне любопытный параллелизм двух главных противников той эпохи — Шамиля и Николая, представляющих вместе как бы два полюса абсолютизма — азиатского и европейского». С этих моральных позиций и была написана Толстым историческая повесть «Хаджи-Мурат».

От начала до конца повести Толстой излагал события и факты, строго следуя истории.

В повести показаны офицеры, вышедшие из аристократических семей, презрительно смотревшие не только на солдат, но и рядовых офицеров. Они рьяно проводили в жизнь колониальную политику царизма на Кавказе.

Более всего писатель любил простых людей из горцев, солдат и казаков. В своей повести он нарисовал замечательный образ простого русского солдата Авдеева, ушедшего в рекруты вместо семейного старшего брата. У Авдеева, что присуще всем простым русским людям, не было никакого предубеждения или зла к другим народам.

Целые поколения людей читали и перечитывали замечательную повесть. Уже в наше время в одной из встреч с писателем Н. С. Тихоновым, который в 30-е годы часто бывал на Кавказе, старики дагестанцы ему сказали: «Вы говорите, что этот человек (Л. Толстой) был русский офицер. Он нашему не говорил, он не жил в Дагестане, — откуда он знает, что ел Шамиль и что он думал? А мы помним. Это так и было. И в таких одеждах он ходил. Как же он сквозь стены что ли видел?»

Народное признание — высшая награда художника.

Н. ГРИЦЕНКО,
профессор, заслуженный деятель науки РСФСР и ЧИАССР.

НА СНИМКЕ: памятник Л. Н. Толстому в станице Старогладковской.